

10. «Смоленская правда», № 6 (300), 16 февраля 2006 г.
11. «Смоленская правда», № 5 (299), 9 февраля 2006 г.

I. Shornikova

USING OF PROPER NAMES IN PLURAL FORM AS ONE OF THE WAY TO CREATION OF EXPRESSION IN THE NEWSPAPERS TEXT

Abstract. The focus of the author's attention in this article is concentrated upon the

problem of the expressive usage of proper names in the plural form in the newspaper discourse. The process of transference of proper names, used in the plural form, to common nouns is considered as one of the ways to creation of an additional expressive feature of the object. The author pays attention to the problem of the role of the lexical surrounding and discourse in this process.

Key words: proper name, plural form, expression, deonymisation (transference of proper names to common nouns), discourse.

УДК 811.161.1

Щемелинина И.Н.

**ГЛАГОЛ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ ЕДИНИЦА
ДЕЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ В ЯЗЫКЕ СОЧИНЕНИЙ Г.К. КОТОШИХИНА
«О РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»***

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу глагольных форм с точки зрения их образования и функционирования в деловом стиле XVIII века. Статья ставит своей целью выяснение и описание функционального поля глагольных форм, отражающих деловое содержание в сочинении Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича».

Ключевые слова: аорист, имперфект, плюсквамперфект, перфект, инфинитив, контаминация.

В последние десятилетия появилось много исследований, посвященных изучению языка письменных памятников делового содержания XVII века, что доказывает недостаточную изученность этого пласта письменности в XX веке, а также литературно-языковой дуализм эпохи становления русского национального языка. Особенно наглядно это обнаруживается в области глагольных форм, где сложной, церковно-славянской по своему происхождению многочисленной системе прошедших времен (аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект) книжно-литературных текстов была противопоставлена ориентированная на живую речь и близкая современной система глагольных форм, реализуемая в языке деловой документации [Рюмина: 1971, 42].

Формирование национальных отношений, важной основой которых является единство языка и закрепление его в единой литературе, создает во второй половине XVII века кризисную ситуацию для книжно-славянского типа литературного языка, основанного на старославянском языке, так как он оказался в противоречии с развивающимся национальным самосознанием носителя русского языка. Противоречие это преодолевается к середине XVIII столетия, однако конкретные пути ликвидации позднесредневекового письменно-языкового дуализма на таком непродолжительном временном отрезке во многом остаются невыясненными.

Анализ языковых особенностей сочинения приказного служащего Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666–1667) обнаруживает неоспоримые доказательства для освещения этого вопроса. Из всех исторических записок, как русских, так и иностранных, имеющих своим предметом описание внутреннего быта Московского государства в XVII веке, на первое место, без сомнения, должен быть поставлен этот труд.

С учетом того, что «решающее слово при определении языковой системы письменного текста остается за показаниями грамматического уровня» [Хабургаев: 1971, 66], остановимся на характеристике используемой Котошихиным системы глагольных форм – того звена морфологической системы, где

---

* © Щемелинина И.Н.

противопоставленность книжно-славянского и делового языков, принятых в письменном творчестве времени Котошихина, проявлялась особенно определенно.

Для изображения прошлых действий (или состояний) Котошихин использует весь набор форм прошедших времен, известных книжно-славянскому языку современных ему литературных произведений; однако соотношение этих форм, как и само употребление их в тексте, у Котошихина выглядит иным. Если в книжно-литературных произведениях XVII в., по подсчетам О.Л. Рюминой, 80,3 % всех форм прошедших времен занимает аорист, 7,3 % — имперфект, а на долю форм на -л- приходится лишь 12,4 % (причем это соотношение не зависит от жанра и содержания произведения!) [Хабургаев, Рюмина: 1971, 69], то у Котошихина аорист встречается лишь в 33 случаях, имперфект — в трех случаях — (трижды отмечены также формы, исторически связанные с плюсквамперфектом), а абсолютно преобладают формы на -л- — 625 словоформ, т. е. 94 % из 664 употреблений форм прошедшего времени глагола. Именно формы на -л-, образованные от основ с разными видовыми значениями, реализуют в сочинении Котошихина аористное, перфектное и имперфектное значения.

Аорист и имперфект не являются у Котошихина органическими элементами языка, а служат чисто внешним способом стилизации под архаику, с которой связана в его сознании книжно-славянская языковая система. Так, все формы аориста сосредоточены в первой, вводной части сочинения, в которой даны сведения, относящиеся к царской фамилии. Раньше всего говорится вкратце об Иване Грозном с целью объяснить, с какого времени началось Московское царство.

Эта часть сочинения по стилю близка к произведениям традиционного летописного жанра и представляет собой, по мнению В.К. Жульева, своего рода «аористный островок» [Жульев: 1973, 327]. Формы аориста употребляются здесь в связи с описанием вступления царей (князей) на великокняжеский стол: *царствова (4) же той царь; и царствова той царь; и царствова той царь во упокоении*; при сообщении о политических событиях, которые имеют важное значение для страны (описание военных действий), в связи с сообщением о смерти царей или великих князей: *царствова же той царь, преставися; по смерти брата своего в печали немнога лета, преставися; и царствова той царь, преставися; и царствова той царь во упо-*

коении, преставися, потому что об их кончине следовало писать как о знаменательном событии. Аористные формы сохраняют свою специфику в образовании. В большинстве своем они имеют основу совершенного вида; образованные от основ несовершенного вида (*царствова*), они констатируют определенный процесс как факт, имевший место в прошлом и не отражавший характер протекания этого процесса.

После вводной части Котошихин описывает государственное устройство России XVII века, образ жизни царского двора, русские обычаи и бытовые традиции. В этой части сочинения форм аориста нет вообще, как нет и каких-либо иных элементов традиционного историко-повествовательного стиля.

Формы имперфекта у Котошихина представляют собой некие вкрапления церковно-славянского происхождения. Например, в главе 1, статье 25, в которой говорится о затворничестве и грустной жизни царевен: *сестры ж царские, или и тщери, царевны, имеяи свои особые ж покои разные, и живущие яко пустынницы, мало зряху людей, и их люди; но всегда в молитве и в посте пребываху и лица свои слезами омываху, понеже удовольствие имеяи царственное, не имеяи бо себе удовольствия такова, как от Всемогущаго Бога в дано человеком совокуплятися и плод творити*. Слова *зряху, пребываху, омываху* сохраняют древнерусскую специфику в образовании, потому что к основе инфинитива на гласный присоединяется суффикс имперфекта, выступающий в стяженной форме. В двух случаях имперфект образован от основ инфинитива с суффиксом повторяемости, многократности -ва-: *пребываху, омываху*.

В сочинении Котошихина отмечено три случая употребления глагольных форм, восходящих к давнопрошедшему времени. Первый, из них в главе 1, статье 5, где говорится об избрании царя Михаила, его родстве с прежнею династией, о патриархе Филарете, о детях царя и о смерти сына его царевича Дмитрия и самого царя: *бысть же у того царя два сына: царевичь Алексей Михайловичь, и той бе зело тих был в возрасте своем, как и отец; второй же Димитрий, с младенческих лет велми был жесток, уродился нравом прадеда своего первого Московского царя*.

Архаическая форма *бе был* отнесена к подлежащему *Алексей Михайлович*. По своему временному значению она тождественна форме *был*, отнесенной к подлежащему *Димитрий*. П.С. Кузнецов пишет по поводу этой формы: «Возможно, что здесь не давнопро-

шедшее время в собственном смысле слова, а контаминация двух средств выражения прошедшего времени — старого, аориста, и нового, перфекта, ставшего уже единственной формой прошедшего времени» [Кузнецов: 1959, 231].

Есть еще два других примера использования плюсквамперфекта, один — в главе 1, статье 3, где говорится о Борисе, первом Самозванце: *а как начал царствовать, и в Росийском государстве учал было заводить вновь веру папжскую...*; другой — в главе 7, статье 9 о приказе «Большие казны»: *а довелось было с него взять болши 15,000 рублей...*

В современном русском литературном языке эти два случая аналогичны известному сочетанию прошедшего времени с неизменяемой частицей *было*, которая развивалась из утратившей изменение по родам и числам формы вспомогательного глагола *быти* — *было*. Указанные сочетания обозначают действие в прошлом, прерванное другим действием. Значение это не соответствует традиционному значению форм плюсквамперфекта, сохранявшемуся в книжно-славянском языке, а потому и сами формы (в отличие от аориста и имперфекта) не могут рассматриваться как церковно-славянские вкрапления. На наш взгляд, их можно рассматривать как исконно русские формы давнопрошедшего времени.

Использование разных временных образований, выполняющих разные стилистические функции, не связано у Котошихина с традиционным соотношением временного значения и форм его выражения с осознанием функциональных различий между аористом, имперфектом и формами на *-л-*. Так, в языковом сознании Котошихина имперфектное значение закрепилось прежде всего за формами прошедшего времени несовершенного вида на *-л-*, в то же время три отмеченные выше формы имперфекта использованы для выражения значения настоящего неактуального, а не имперфектного времени. Универсальным средством выражения аористического значения в памятнике служат формы на *-л-* и совершенного, и несовершенного вида. А формы аориста в указанном значении — «приоритет» аористного островка. Но и здесь формы аориста с таким значением включаются в общий ряд с формами на *-л-*: *а как пение совершилось и в то время царь пришед в свои хоромы, тое девицы смотрил и возлюбил, и нарек царевною, и в соблюдение предаде ея сестрам своим, и возложиша на нее царское одеяние, и поставил к ней для оберегания жен верных и богобоязливых, дондеже при-*

спеет час женидбы (глава 1, статья 6).

Думается, их употребление — это прежде всего дань традиции использования этих форм в книжно-славянском типе литературно-письменного языка.

В формах настоящего-будущего простого времени можно констатировать наличие признаков как живой разговорной речи (например, глагольные образования настоящего времени на *-ива-/-ыва-*: *прибивати* (1), *побивати* (2), *укручивают* (4), *устраивают* (4), *опочивать* (10), *спрашивати* (27), *осматривают* (5), *опичивати* (1), *прибавливают* (9), *добиваются* (2), *объявливают* (3), *не опочивает*, *зговаривает* (1), *отпрошиваютца* (1), *отправиваются* (3), *прибавливают* (9), *отправливают* (2), *отрезывают* (1), *подставляают* (1), *вырезают* (1), *закопывают* (1), *отоптывают* (1), *записывают* (10), *приказывают* (13), *сверстывать* (1), *давывали* (1), *складывать* (1), *накладывают* (2), *созывает* (6); основы с восточнославянским оформлением: *хочет* (23), *отвечает* (6) и т.д.), так и книжного-славянского; см. бесприставочные глаголы: *чинитъ*, *чинити*, *чинил*, *чинится* (32), *свобождают* (8), *лучится* (46), *вершатъ* (2); основы с приставками *вз-*, *из-*/*-ис-*: *и на таком ослушнике платье царь велит изодрать все, и взложить свое платье; и взносят в Верх, порознь, про кого что готовлено; такъже и иные дела написав взнесут слушать всем же бояром; кого в какой чин излюбил; и о том известят царю; и по чину изготовились; или не измывся водою; и им среди царского двора испоставят вина; потомуж чин свой исправили; потому что исходит в тех городех на жалованье ратным и служилым людем и кормовым и ясачным; А как они Нагайцы и Татары табунные свои лошади испродадут; а при медных денгах испоставили себе дворы.* Кроме того, отмечается и церковнославянское оформление основ: *отвещает* (5), *принимает* (11), *вреждают* (1), *отпускает* (2) и др.

Характерной особенностью языка сочинений Котошихина является то, что абстрактное настоящее реализуется часто формами, образованными от основ совершенного вида и употреблявшимся в ряду форм от основ несовершенного вида. Например: *и кто холоп кому бьет челом во двор, и его запишут в книги, и дают на того холопа вечные служилые кабалы, и данные; а вшед послы в полату, начнут по наказу своему говорити речь, и царя поздравляют, и правят поклон; и царь в то время встанет, и шапку сымет, и спрашивает послов о королевском здоровье, сам, стоя.*

Для книжно-литературных текстов такое функциональное использование форм настоящего времени от основ совершенного вида не характерно так же, как и для современного официально-делового языка. Такое изложение больше всего напоминает стиль живого повествования, оно является нередким в деловых текстах XVII в., например в сыскных записях, фиксирующих устные показания подсудимого [Бондарева: 1973, 17].

Употребление сложных форм будущего времени свидетельствует о том, что система временных форм, представленная в сочинении Котошихина, не может быть сведена к системе живой речи. Котошихин отказывается от уже устаревшей формы будущего сложного со вспомогательным глаголом *иму*, но еще и не принимает в качестве такового глагол *буду*. Наиболее употребительным вспомогательным глаголом является *учну* (*начну*), который встречается в 35 случаях употребления сложного будущего (с инфинитивом): *и учнут есть и пить по прежнему; не ведаючи учнут свататца; и они у него учнут и мать сами; А которые люди учнут искати всяких своих дел; и они меж себя, с обе стороны, учнут уговариватца о всяких свадебных статьях и положат свадьбе срок.*

По нашему мнению, Котошихин, по-видимому, осознавал стилистическую оппозицию «*учну*+ инф.» и «*буду* + инф.», которая в его языковом сознании, возможно, была связана с противопоставленностью текстов или жанров делового стиля: «*учну*+ инф.» – в основном в канцелярском языке; «*буду*+инф.» – в типах текстов, более близких к живой речи.

Исследование глагольных форм в языке сочинений Котошихина дает материал для суждений по ряду вопросов, связанных с отношением культурных деятелей Московской Руси конца XVII в. к функциональному противопоставлению двух систем письменного языка.

Котошихин не получил образования, обычного для профессиональных литераторов того времени. Между тем грамотность в образовании и последовательность в употреблении книжно-славянских по происхождению глагольных форм, отсутствовавших в разговорной практике, зависела от уровня подготовки каждого отдельного автора или переводчика, степени его начитанности, индивидуальных способностей. Профессиональные книжники – современники Котошихина – отличались грамотностью, очень точно ощущали функциональные различия между разными фор-

мами прошедших времен и не «ошибались» в их употреблении даже тогда, когда переводили текст с польского, имевший только формы на –л– [Рюмина: 1971, 7, 11]. У Котошихина же не только не наблюдается осмысленного употребления форм аориста и имперфекта, но и наличествуют «ошибки» в образовании форм прошедших времен. Так, в памятнике отмечены случаи потери аористом согласования в числе: *понеже и сына своего смири на оный свет, пробиша его осном своим; и в то время царь пришед в свои хоромы, тое девицы смотрил и возлюбил, и нарек царевною, и в соблюдение предаде ея сестрам своим, и возложиша на нее царское одеяние, и поставил к ней для оберегания жен верных и богобоязливых, дондеже приспее час женидбы.*

Кроме того, встречаются случаи вариантного употребления формы аориста. Вместо формы 3 лица единственного числа от нетематического глагола *дати* — *дасть* (или *предасть*) в памятнике отмечено префиксальное образование от основы настоящего времени *предаде* (*dádti*): *...и в соблюдение предаде ея сестрам своим.* Возможно, это — церковнославянская особенность языка памятников XVII в. [Рюмина: 1971, 12], а может быть, неверное образование — результат плохой выучки автора, который знал о существовании аориста как такового, но не всегда умело им пользовался.

Отмеченное единственный раз в памятнике образование *мысляше* выступает как деепричастие (*мысля*) и может быть возведено к старой форме действительного причастия настоящего времени именительного падежа единственного числа мужского рода с присоединением окончания 3 лица единственного числа имперфекта –е: *людие же, роду великого и среднего, которые блиски приходити к царю и к царевичам, мысляше о нем, что еще в младых суще летех зла творит много, понеже по смерти отца своего наипаче больше зла творити начнет, усмотривше времени час упоиша его отравами.*

Подобные ошибки достаточно определенно характеризуют Котошихина как автора, менее подготовленного в области книжного языка, чем многие его современники, искусно пользовавшиеся этим языком в своих сочинениях или переводах. И тем не менее уровень «образованности» не мешает судить об отношении Котошихина к формам церковнославянского или книжно-славянского языка как к средству определенной сферы функционирования. Тот факт, что церковнославянские формы (независимо от «пра-

вильности» их образования и временного использования) сосредоточены в определенном фрагменте его сочинения, отличающемся по содержанию от основного текста, говорит о том, что автор связывал эти формы с определенным «жанром», видел в них средство создания возвышенного стиля. И это несмотря на то, что в основной части сочинения он явно использует систему форм делового языка, который, однако, кажется ему неуместным при обращении к старине, при изложении событий, связанных с высокими особами или исторически важными для государства предприятиями. Иными словами, книжно-славянские средства для Котошихина — это не нейтральная система языка письменно-литературного произведения (как, например, для авторов бытовых повестей или переводных *фацеций*), а то, что противопоставлялось быденной, повседневной речи, т. е. противопоставление низкого стиля *высокому стилю*, как это назовет впоследствии М.В. Ломоносов.

Вместе с тем необходимо отметить, что и система делового языка, которой Григорий Котошихин, как канцелярский служащий, хорошо владел и на которую он ориентировался в своем рассказе о современности, становится в его сочинении «системой жанра», а не используется с юридическими или какими-либо иными «практическими» целями.

Таким образом, язык сочинений Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» наглядно демонстрирует принципы отбора глагольных форм для передачи делового содержания:

а) деловой стиль должен обслуживать емкие, лаконичные языковые единицы;

б) предпочтение в ряду глагольных форм прошедшего времени отдается перфекту, а точнее, одной из его составляющих форм — причастной (неспрягаемой) форме на *-л-*, потому что эта форма регулярно образовывалась от всех глагольных инфинитивных основ и не была связана с оформлением этих основ и видом глагола;

в) глагольные формы в деловом стиле постепенно становились системообразующим средством, выстраивая контекст в соответствии с той информацией, которую сообщал глагол-сказуемое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бондарева В.А. Система временных форм глагола в языке деловой и бытовой письменности XVII в. Автореф... дис. ... канд. филол. наук. — МГУ, 1973. — С. 17.
2. Жульев В.К. Из истории глагольных форм прошедшего времени (на материале «Пискаревского

летописца») // Проблемы обучения иностранным языкам, т. 8. — Владимир, 1973. — С. 327.

3. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. — М., 2000.
4. Кузнецов П.С. Очерк исторической морфологии русского языка. — М., 1959. — С. 231.
5. Обьедкова Л.К. Глагольные формы в памятниках деловой письменности XVII в. (на материале документов Нижнего Посемья). Автореф... дис. ... канд. филол. наук. — М., 1973.
6. Рюмина О.Л. Глагольные формы в книжно-литературном языке XVII в. (на материале *фацеций*). Автореф... дис. ... канд. филол. наук. — М., 1971. — С. 7, 11, 12.
7. Хабургаев Г.А., Рюмина О.Л. Глагольные формы в языке художественной литературы Московской Руси XVII века (к вопросу о понятии «литературности» в предпетровскую эпоху). — Филологические науки. — 1971. — № 4. — С. 66, 69.

I. Shchemelinina

VERB AS A SYSTEM MAKING UNIT OF BUSINESS-LIKE CONTENT IN G. KOTOSHIKHIN WORK'S LANGUAGE «ABOUT RUSSIA DURING REIGN ALEXEY MIKHAILOVITCH»

Abstract: This article is about the analysis of verb forms from the point of their forming and functioning in the business-like style in the 18th century. The aim of this article is to describe and make clear functional field of verb forms reflecting business-like contents in G. Kotoshikhin's work «About Russia during reign of Alexey Mikhailovitch».

Key words: aorist, imperfect, plusquamperfect, perfect, infinitive, contamination.